

„Се у вратъ два юноша надолзѣ толцають,
 да изыдеши скоро, тебе призывають“.
 Онъ не вѣдый кто бяше, изшедь соглядаше
 и се ни единого мужа обрѣташе.
 А въ то время горница она повалися,
 и кто-либо в ней бяше до смерти убися.
 О чудо! Егда кого Вышний соблюдаетъ,
 не обычными средствами от смерти спасаетъ.

Последние два стиха этой стихотворной „повести“ Симеона обнажают ее художественную природу: перед нами типичный морально-дидактический „приклад“; „античного“ здесь ничего нет, — разве только имя героя. И тема стихотворения („Егда кого Вышний соблюдаетъ, не обычными средствами от смерти спасаетъ“), и самый жанр его (традиционный средневековый *exemplum*) — все исключало здесь античный „колорит“: стихотворение и без него вполне достигало своей цели.

„Богатство“ и „Погребение“ Симеона Полоцкого (стихотворений на античные сюжеты аналогичного типа у него немало, в особенности, в „Вертограде“) свидетельствуют, что античный мир представлял для Симеона преимущественно чисто утилитарную ценность в его поэтическом хозяйстве; для него это был тот — далеко не единственный, кстати сказать, — склад, откуда он по мере надобности черпал редкие и „курьезные“ экспонаты для своей поэтической кунсткамеры. Его восприятие античного наследия одинаково далеко и от Ренессанса и от классицизма.

4

В процессе своего исторического развития „барокко“ рано стало обнаруживать одну характерную тенденцию: форма стала вытеснять содержание. Произошло то, что обычно бывает, когда искусство принципиально отказывается от постановки проблем, так или иначе связанных с жизнью. Поэта стал занимать уже не столько „прообраз“, сколько сам процесс его проявления: аллегоризация вещей приобрела самодовлеющий эстетический интерес. Совмещение несовместимого из эстетического принципа стало вырождаться в простой прием, в формалистическую игру слов и понятий.

Так называемые *carmina curiosà* — одно из наиболее типичных порождений „барокко“ на данном этапе его истории: предметом формалистической игры стал сам стих; поэты стараются превзойти друг друга в изобретении трудных версификационных задач; замысловатыми и необычными становятся и сама структура стиха, и даже его графическая композиция.

Дань этой моде отдал и Симеон Полоцкий. В его поэтическом наследии налицо почти все основные типы таких стихов, таких „поэтицких штучок“ (говоря словами Иоанна Величковского, украинского поэта и теоретика поэзии конца XVII в.), — начиная с простейших и кончая самыми трудными.